

Кризис индустриальной системы в России

*Тезисы доклада**

Кризис постсоветской экономики имеет системный характер. В его основе лежат три группы долговременных тенденций.

Первая. Структурный кризис: исчерпание потенциала советской индустриальной модели, ее способности адаптироваться к изменяющимся целям и ресурсным условиям воспроизводства.

Вторая. Социальный кризис: размывание социального статуса работников, их ценностных ориентиров и трудовых мотиваций.

Третья. Институциональный кризис: дезинтеграция иерархической системы управления экономикой и формирование замкнутых ведомственных структур, подмена народнохозяйственных целей и приоритетов развития ведомственно-корпоративными целями.

1. Структурный кризис советской индустриальной системы

Становление советской индустриальной системы. Направления и пределы развития советской индустриальной системы (ИС), про-

* В связи с тем что устное выступление Л.Р.Белусова на симпозиуме не повторяло тезисы доклада, редакторы сочли нужным опубликовать как тезисы, так и выступление.

явившиеся во второй половине 70—80-х годов, во многом были предопределены условиями ее становления в 50—60-е годы: целями, ресурсными ограничениями и закрепляемыми в экономике технологиями.

Цели, в соответствии с которыми формировалась ИС: 1) возврат социального долга, насыщение первичных потребностей населения 2) сохранение военно-политического статуса сверхдержавы; 3) освоение нового экономического пространства, интеграция экономик стран Восточной Европы в единую мета-хозяйственную систему. Их одновременная, несмотря на широту и противоречивость, реализация стала возможной благодаря ресурсным возможностям, которыми обладал СССР в тот период: новому производственному аппарату тяжелой индустрии, опирающемуся на мощную топливно-сырьевую базу; избытку низкоквалифицированных трудовых ресурсов; приращению качественного промышленного потенциала за счет европейских стран.

Отмеченные факторы обусловили специфический режим функционирования ИС, сочетающий динамичный рост с энергетическими структурными сдвигами. Можно выделить три их направления, доминировавшие в 50—60-е годы (период формирования ИС).

Первое направление обеспечивало реализацию социальных целей. Оно охватывало развитие взаимосвязанных производств по цепочкам: легкая и пищевая промышленность — сельское хозяйство — химия и сельскохозяйственное машиностроение; строительство жилья — производство стройматериалов. Второе направление было связано с созданием новой энергетической базы экономики по оси: потребление энергии — электроэнергетика — производство топлива. Третье — с формированием машиностроительного комплекса и развитием сопряженных производств конструкционных материалов.

ИС, сформировавшаяся в 50—60-е годы, обладала высокой целостностью в двояком смысле. Во-первых, структурные сдвиги обеспечивали согласованность между целями экономического развития и его ресурсной базой. Во-вторых, благодаря масштабным инвестициям поддерживалось динамическое равновесие между основными секторами ИС. Однако эта целостность достигалась лишь в рамках "расширяющейся экономики". Структура ИС характеризовалась двумя взаимообуславливающими особенностями: а) жесткой зависимостью экономического роста от масштабов вовлечения первичных ресурсов и б) разбухшим инвестиционным сектором, технологическая отсталость которого создает избыточную потребность в топливе и сырье.

Пределы развития индустриальной модели. Сложившаяся индустриальная модель имела пределы саморазвития, проявившиеся в 70-е годы.

Ограниченность социальных целей, "под которые" сформировалась ИС. В 50—60-е годы произошла "революция первичных потребностей". К концу 70-х годов уровень потребления продуктов первой

необходимости стал сопоставим с западными стандартами начала 60-х годов. Возникли предпосылки и необходимость переориентации ИС на новые стандарты благосостояния, свойственные "обществу массового потребления". Этого, однако, не произошло.

Взаимосопряженность роста КП и производства энергосырьевых ресурсов (ЭСР). На одном фланге экономики, в конечных секторах, закреплялись ресурсоемкие технологии, на другом фланге — ускоренные и капиталоемкие технологии наращивания ЭСР.

Ориентация инвестиционной базы ИС на расширение (а не на обновление) производственного аппарата. Машиностроение развивалось по дополняющему принципу: его новые производственные звенья и соответствующие ресурсно-технологические цепи интегрировались в систему воспроизводства, не вытесняя, а достраивая ее старые элементы. Результатом стало быстрое разбухание "периферийных" секторов машиностроения, в ущерб тем звеньям, которые определяют качество машин и оборудования.

Сегментация экономики, деформировавшая взаимодействие технологических укладов. Обособились три группы производств: 1) замкнутый сегмент ВПК, ориентированный на технологическую гонку с Западом; 2) технологически стагнирующие инвестиционные и потребительские отрасли, функционирующие в режиме, задаваемом предложением ЭСР; 3) производство ЭСР, развитие которого определялось форсированным наращиванием выпуска первичных ресурсов. Качественные приращения концентрировались в 1-м и в 3-м сегментах (где они обесценивались избыточными затратами ЭСР в производствах 2-й группы).

Структурный кризис индустриальной системы. Во 2-й половине 70-х годов советская ИС вступила в качественно новый этап развития. Он характеризуется "ползущей" стагнацией на фоне нарастающей деградации производственного аппарата, дестабилизации структурных связей между основными секторами. Резервы устойчивого роста экономики исчерпались. Снижение их темпов, маскируемое скрытой инфляцией, сопровождалось замедлением динамики эффективности производства и стагнации реальных доходов населения.

Обострилась несопряженность между потребностями экономики в энергоресурсах и возможностями расширения их производства за счет наращивания КВ. С одной стороны, ускоренное развитие энергетики с опорой на ресурсы Западной Сибири укрепило связь между масштабами их добычи и экономической динамикой. При этом "дешевизна" топлива сделала неактуальным превращение энергосбережения в движущий мотив структурной перестройки. С другой стороны, форсированный режим эксплуатации запасов топлива привел к быстрому росту капиталоемкости его добычи.

Фактором повышения инвестиционной нагрузки на экономику стало ухудшение положения в продовольственном комплексе. Сельское хозяйство одним из первых вышло на рубеж, за которым на-

рашивание ресурсных вложений не дает соответствующего эффекта. Все большая часть ресурсов шла на компенсацию выбывающего потенциала, одновременно стимулируя это выбытие.

Резко обострилась деформированность инвестиционного механизма поддержки экономического роста. Изменения в режиме воспроизводства ресурсов в топливной промышленности и в сельском хозяйстве обусловили быстрое возрастание спроса на инвестиционные ресурсы (увеличение инвестиций в эти отрасли в 75—85-е годы составило 43% прироста производственных КВ). Крупные инвестиционные программы завязывались либо на поддержание энергосырьевой базы и инфраструктуры (нефтедобыча, атомная энергетика, сельское хозяйство, транспорт), либо на развертывание новых систем вооружений. Инвестиционный комплекс стал испытывать усиливающиеся ограничения со стороны конструкционных материалов и строительных мощностей.

Со 2-й половины 70-х годов стала разрушаться прежняя согласованность между целями, технологической структурой и ресурсным обеспечением экономического роста. В индустриальной системе сложился замкнутый круг воспроизведения технологической отсталости. Высокая потребность в ЭСР, обусловленная утяжеленной структурой экономики, определяла перегрузку функционирования инвестиционных отраслей. Это исключало возможность их качественной модернизации и обновления продукции. В свою очередь, тиражирование морально устаревшей и материалоемкой техники, длительные сроки и низкое качество строительства, отсталая структура конструкционных материалов не только сами по себе были сопряжены с избыточным потреблением первичных ресурсов, но и стали основой расширенного воспроизводства устаревших технологий.

Обострение структурно-технологической напряженности советской экономики обусловило функциональное "перерождение" отдельных звеньев (зон) экономики, которые начали играть роль своеобразных компенсаторов структурно-технологического неравновесия: поддерживать соответствие между технологическими сдвигами, ресурсным обеспечением и динамикой непродовственного потребления. К таким зонам относятся прежде всего внешняя торговля (и сопряженные с ней ТЭК и инвестиционный комплекс) и атомная энергетика (и сопряженное с ней атомное машиностроение).

В конце 70-х — первой половине 80-х годов проявлением структурного кризиса стали многочисленные локальные спады производства: в добыче угля (1979—1981 — 2,7%) и нефти (1984—1985 — 3,4%), выпуске готового проката (1979—1982 — 2,9%) и добыче других ресурсов, в перевозках железнодорожного транспорта (1979 — 2,3%, 1982 — 1%), произошла стагнация в объемах строительно-монтажных работ (СМР) в 1978—1980 гг. "Взрыв" структурных противоречий отражал не только распад прежней модели индустриального развития, но и отставание в формировании нового "структурного ядра" экономики и новой потребительски-ориентированной ИС.

Период 1980—1990 гг. можно охарактеризовать как "десятилетие упущенных возможностей". Мягкий переход к новой модели ИС мог быть осуществлен с конца 70-х годов, когда благоприятная конъюнктура мирового рынка позволяла мобилизовать качественные ресурсы для формирования нового "структурного ядра" ИС. Однако поворот к "обществу благосостояния" не состоялся, и это во многом предопределило глобальный кризисный спад конца 80-х годов.

2. Экономический спад и современная стадия кризиса

Во 2-й половине 80-х годов, после кратковременного рывка, вызванного "политикой ускорения" (1986—1987 годов), кризис приобрел открытый характер. Стало невозможно поддерживать сбалансированный обмен ресурсами между энергосырьевым сектором, гражданскими конечными производствами и ВПК без наращивания внешней задолженности и сокращения непроизводственного потребления.

Макроэкономические тенденции накануне реформ. Перелом произошёл в 1988—1989 гг. Одним из проявлений новой фазы структурного кризиса ИС стала асинхронность в динамике отраслей промышленности, выпускающих продукцию производственного и потребительского назначения. Импульс "ускорения", вызвавший перенапряжение в производстве ЭСР, обусловил замедление роста, а затем и спад в первичных секторах. Экономика отреагировала на это свертыванием выпуска энерго- и металлоёмкой продукции производственного назначения, при сохранении роста производства потребительских товаров (по оценке, спад в группе "А" составил в 1987—1988 около 1% в год, в 1989 — 4—5%). Расширяющаяся "вилка" в динамике групп "А" и "Б" увеличила нагрузку на внешнюю торговлю. В условиях быстрого снижения экспортного потенциала это привело к дефициту торгового баланса (1989 — 5%, 1990 — 16% экспорта). В результате: а) возник валютный кризис, в который страна вступила в 90-е годы.; б) образовался мощный накопленный (кумулятивный) потенциал глобального спада, который стал практически неизбежен. Его черед наступил в 1991 г.

Резкое (10%) падение производства в 1991 г., свидетельствующее о серьёзном "сбое" индустриальной системы, было вызвано рядом причин. Однако в силу той особой роли "компенсатора", которую с середины 70-х годов стала играть внешняя торговля, решающую роль сыграл "внешнеторговый шок": двукратный сброс экспорта и импорта. По оценкам, действие этого фактора увеличило спад в машиностроении, химии и потребительских отраслях на 3—4 пункта, а в целом ресурсов конечного потребления (включая импорт) — на 8 пунктов.

Изменение механизма кризисного спада на первом этапе реформ. Шоковый скачок цен и ужесточение бюджетной и монетарной политики не только усилили кризисные тенденции, но и изменили их механизм. Экономика из "ресурсо-дефицитной" превратилась в "спросо-дефицитную". Если в 1991 г. ресурсные ограничения (сокра-

щение ЭСР) обусловили спад ВВП на 7 проц. пунктов (64 % его общего снижения), а спросовые факторы — на 1 проц. пункт (9%). то в 1992 г. на долю "ресурсных" факторов пришлось не более 1/3 общего спада ВВП (7 проц. пунктов, 32% спада). Вес "спросовых" факторов возрос до 55—59%, они обусловили сокращение ВВП на 13 проц. пунктов.

В конце 1992—1993 гг. произошла очередная смена механизма кризисного спада. Экономика из состояния "шокового спада" перешла к состоянию стагфляции. В начале 1993 г. предложение сравнялось со спросом. Это резко усилило зависимость производства от динамики реальных доходов населения и предприятий. На микроуровне усилилась зависимость поведения предприятий от "рыночных регуляторов": неплатежей и рентабельности. Монетарные ограничения стали срабатывать как фактор увеличения неплатежей (при слабо-эластичной реакции цен), что усиливает спад производства.

Структурные сдвиги в производстве. На фоне устойчивого сокращения производства топлива (1993—1990 — 27%) обозначились зоны, где спад принял обвальный характер. К ним относятся: 1) производства, определяющие качественный уровень техники: электротехника и приборостроение (42%); 2) выпуск инвестиционного оборудования (42%); 3) выпуск продукции органической химии (40—48 %); 4) одежда и обувь (-44%); 5) производство белково-содержащих (мясо-молочных) продуктов питания (-43%). На другом "полосе" производства, которые смогли переориентироваться на мировой рынок: автомобилестроение (14%), основная химия (25%).

Наметившиеся в 1992—1993 гг. структурные сдвиги приобрели характер деиндустриализации экономики. Особенно это заметно по сокращению производственного потенциала секторов. Если в отраслях ТЭК и в металлургии сокращение основных фондов практически не происходит, то в конечных секторах оно оценивается в 6—7% (к 1990). Аналогичная картина с занятыми: в машиностроении их численность (с учетом скрытой безработицы) сократилась к 1990 г. на 19%, в легкой промышленности — на 15%.

3. Экономические угрозы и сценарии модернизации

Глобальные вопросы, на которые должны быть найдены ответы в ходе "реформ", — восстановление структурного равновесия экономики, создание новой модели ИС, гибко адаптирующейся к дефициту первичных ресурсов.

1. Снижение возможностей наращивания базовых ресурсов (топливо, металл, сельхозсырье) резко обострило проблему их избыточного потребления. Российская экономика в ее сложившемся виде неспособна адаптироваться к ресурсным ограничениям без масштабной реструктуризации хозяйства и сокращения производственного аппарата, позволивших на 20—30% сократить энерго- и металлоемкость.

2. Российская экономика была и остается дезориентированной, лишенной целей индустриального развития как в долгосрочном, так и в краткосрочном плане. Причем "реформы" усилили эту дезориентацию. Ценовые критерии мирового рынка недостижимы для подавляющего большинства производителей. Внутренние "свободные" цены отражают структурные диспропорции, запрограммированность избыточных издержек и способствуют утяжелению экономики.

3. В экономике отсутствуют хозяйственные субъекты (корпоративного типа), которые смогли бы соединить финансовый и промышленный капитал, концентрировать критическую массу ресурсов для системной адаптации к новым условиям функционирования.

4. Монополизм производителей проявился не только в сверхприбылях, он стал фактором инфляции издержек: низкой эластичности цен от денежной массы. В силу этого, меры "ортодоксальной стабилизации" оказывают депрессивное воздействие не на цены, а на производство (через механизм "денежная масса — неплатежи — выпуск").

Система "экономических угроз". Развертывание системного кризиса сопровождалось формированием системы "экономических угроз", представляющих в настоящее время наибольшую опасность для страны.

Глобальное отставание от стран Запада. Переход кризиса в фазу стагнации происходит на фоне достаточно динамичного развития западных стран (2—3% в год). С учетом того, что спад в России за 1991—1994 гг. составит не менее 42—45%, альтернативой безнадежного отставания России является выход ее к 1996—1997 гг. на траекторию устойчивого роста на уровне 4—5% в год. Драматизм положения связан еще и с тем, что Россия, в отличие от стран Запада, еще длительное время будет расходовать основную часть инвестиционных ресурсов не на техническое совершенствование продукции и рост качества жизни, а на количественное наращивание производства.

"Избыточный" потенциал. В условиях кризисного спада образовался гигантский "избыточный" (неиспользуемый) производственный потенциал, сосредоточенный главным образом в промежуточных и конечных отраслях. Его величина оценивается в 10—15%. Поскольку его загрузка в 1994 г. нереалистична (из-за ресурсных и спросовых ограничений), в ближайшее время экономика столкнется с его неизбежным сокращением.

Дефицит энергии. В ближайшей перспективе это станет ключевым фактором, определяющим падение производства. В 1994 г. ресурсы нефти для внутреннего потребления оцениваются на 9—13% меньше, чем в 1993 г. С учетом сложившихся тенденций энергоемкости (1992 — +16%, 1993 — +5%), нехватка энергии обусловит спад не ниже 8—10%.

Сокращение продовольственной базы приобретает критические масштабы. Темпы снижения плодородия почв (ежегодный дефицит питательных веществ почв из-за "недовнесения" минеральных удобрений и др.), по оценке, утроились, по сравнению с серединой 80—х годов. Продолжается устойчивое сокращение поголовья скота, не компенсируемое увеличением его продуктивности. Это происходит на фоне катастрофического снижения инвестиций в сельское хозяйство, достигшего в 1993 г., по сравнению с 1991 г., около 70%.

Недоинвестирование экономики уже вызвало сокращение основных фондов в конечных секторах экономики, сопровождаемое их деградацией. Одни отрасли, опирающиеся на импорт оборудования (потребительский сектор, химия), оказались отсечены от источников развития; в других, входящих в систему жизнеобеспечения страны (сельское хозяйство, транспорт, энергетика), нарастает опасность распада технологических систем; третьи (угольная и нефтяная промышленность) функционируют за счет "проедания" заделов.

Внешний долг России превзошел критический уровень, после которого его рост происходит автоматически и регулируется в основном кредиторами (в этом году отсрочка выплат по обслуживанию долга позволит сохранить его на уровне 80 млрд долл; в случае, если бы такая отсрочка не была получена, внешний долг России увеличился бы к концу года до 90 млрд долл).

Сценарии модернизации. Перестройка ИС может осуществляться в рамках одного из следующих базовых сценариев.

Либерально-адаптационный сценарий ("*открытая экономика*"). Акцент на первичные сектора. Поддержание экспорта за счет свертывания конечных производств. Ориентация на импорт конечных товаров и импорт капитала в сырьевые сектора.

Реиндустриализация. Концентрация инвестиционных ресурсов в вертикально-интегрированных структурах. Акцент на техническую реконструкцию производства. Ускоренное развитие "ядра машиностроения". Централизованный импорт технологий.

Экспортно-ориентированная экономика. Акцент на крупные экспортно-ориентированные структуры, опирающиеся на обрабатывающую промышленность.

Социально-ориентированная экономика. Формирование "среднего класса". Акцент на капитальные блага (жилье, автомобили, товары длительного пользования).

Устное выступление

Я работаю в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН, но представляю в данном случае только себя. Мною была заявлена для выступления тема "Кризис индустриальной системы", представлены соответствующие тезисы. Вынужден извиниться: выступление Вадима Иванова заставляет меня оперативно отреагировать на

то, что он говорил. Поэтому я не буду выступать, собственно, по тезисам. Вместо этого мне бы хотелось прокомментировать основные пункты выступления Вадима Иванова.

Я насчитал в нем пять ключевых пунктов. Первый состоит в том, что государство ушло из экономики. На мой взгляд, это чистый миф, государство из экономики никуда не ушло. Почему? Во-первых, если посмотреть масштабы бюджетного перераспределения финансовых ресурсов, они не только не сократились по сравнению с дореформенным периодом, но резко возросли. Доля добавленной стоимости, "прокачиваемой" через финансовую систему, составляет около 35%. Сейчас отношение налогов к прибыли составляет около 50%, а в отдельных отраслях, таких, — как, например, нефтедобыча, — до 70%. В 1991 г. доля налогов в прибыли не превышала 25%. Это что, государство ушло из экономики? Во-вторых, если взять, скажем, управление хозяйственными связями и ценами, то и здесь государство тоже не ушло из экономики. Просто центр тяжести регулирования переместился с центрального уровня на уровень регионов. А в регионах осуществляется то же регулирование цен, то же дотирование. В разных местах по-разному, но тем не менее эти явления присутствуют. Другое дело, что механизм государственного управления стал неэффективен и, я бы сказал, неадекватен тем проблемам и процессам, которые сейчас возникли. Но это уже другой вопрос.

Второе — по поводу отсутствия прямых инвестиций. Во-первых, прямые государственные инвестиции, конечно, сохранились. Они составляют сейчас примерно 3% ВВП, хотя, действительно, сократились по сравнению с дореформенным уровнем. Но необходимо говорить в более широком контексте вообще о ситуации, которая сейчас сложилась в инвестиционной сфере. Дело в том, что мы только за прошлый год потеряли более 50% производственных капвложений, и в этом году потери составят примерно 15%. Сброс инвестиций, по сравнению с дореформенным уровнем, безусловен, необходим, потому что наша экономика была переинвестирована, она не выдерживала инвестиционной нагрузки сырьевых секторов, сельского хозяйства и ТЭК. Но дело в том, что существовали достаточно жесткие пределы "сбрасывания" инвестиций, оцениваемые примерно в 10 — 12%. А двукратный сброс капвложений за год породил такие процессы в производственном аппарате, которые остановить в течение ближайших 5—6 лет практически невозможно. Эти процессы, в частности, характеризуются тем, что началось стихийное выбытие основных фондов, их абсолютное сокращение, причем не там, где это было нужно, а в конечных секторах. И это все на фоне того, что идет качественная деградация производственного аппарата: нарастает износ, превысивший уже 55%.

Третье — укрепление рубля. Здесь правительство отличилось в двух аспектах. Во-первых, в этом году удалось провести рафинированно чистый эксперимент. Было заключено трехстороннее соглашение между Международным валютным фондом, Центробанком и пра-

вительством о проведении конкретных, весьма жестких мер монетарной политики — в частности, установлены ежеквартальные лимиты кредитов Центробанка. И была зафиксирована цель — выйти к концу года примерно на 10%-ный уровень инфляции. Что же мы получили в результате?

Вопреки ожиданиям скептиков, два квартала — второй и третий — эти соглашения удавалось выдерживать. Центробанк уложился в лимиты кредитования, которые ему были отведены. Рост дефицита федерального бюджета сдерживался всеми мерами и составил во втором квартале — 2%, а в третьем — 7% ВВП. И каков результат? Инфляция осталась на уровне 20% в месяц. Спад увеличился — до 4—5% за квартал — отчасти в результате этих жестких монетарных мер. И во-вторых, у нас сложилась парадоксальная ситуация, когда финансовый капитал оказался полностью отрезан от промышленного. Промышленный капитал задыхается от недостатка оборотных средств, а в сфере банковского капитала наблюдается перенакопление, переполнение денежного рынка. Денежный капитал не может найти направления прибыльного вложения, потому что большинство ранее существовавших "ниш" оказались закрытыми.

Четвертое. Трансформация отношений собственности. Скажите, появился ли где-нибудь в результате нашей приватизации собственник? Или хотя бы намечается появление собственника?

У нас сейчас идет процесс акционирования, он процентов на 60 уже завершен. Остались неакционированными несколько крупных секторов (например, нефтедобыча), хотя и там уже созданы три независимых концерна. Акции предприятий на данный момент сосредоточены в основном в инвестиционных фондах. Сейчас хорошо видно, причем даже самим работникам инвестиционных фондов, что эти фонды, по существу, — ловушка, вещь бесперспективная. Не надо, уважаемый коллега Ханин, возвращаться к государственной собственности, организовывать какой-то передел собственности. Он и так произойдет, когда будут делить акции, принадлежащие обанкротившимся инвестиционным фондам. Это было зафиксировано еще два месяца назад. Неверов, руководитель "Гермеса", в одном из выступлений правильно заметил, что весной начнется процесс банкротств инвестиционных фондов, потому что разрыв между рентабельностью предприятий и дивидендами, которые обещают акционерам инвестиционные фонды, — совершенно огромный. Есть оценки, что до 80% инвестиционных фондов дивиденды выплачивать не смогут. И тогда начнется продажа акций самих фондов. А где фонды возьмут деньги для их выкупа, чтобы поддержать курс? Обозначен уже и механизм осуществления нового передела собственности. Это известный Указ о векселях.

Наконец, пятое. Это — структурная политика. Коллега Иванов сказал замечательную вещь, что сначала с финансовой стабилизацией справиться бы, а потом мы займемся структурной перестройкой. Но дело все в том, что структурная перестройка уже идет, причем

набирая темпы. Начался неожиданный для реформаторов процесс, когда вместо "облегчения" экономики началось ее быстрое "утяжеление". О самодской экономике говорили публицисты в начале и в середине перестройки. Сейчас наша экономика стала самодской в гораздо большей степени, чем была в годы застоя.

В прошлом году спад производства коснулся преимущественно конечных секторов (легкая и пищевая промышленность, машиностроение и строительство), энергоемкость которых относительно ниже, чем металлургии, химии и т.п. В результате подобного рода структурной перестройки резко упала эффективность: энергоемкость возросла в прошлом году на 14%, в этом — еще на 5. И следовательно, зависимость нашей экономики от производственных энергоресурсов, от которой собирались уйти, не только не ослабла, а сильно возросла.

Разрешите сделать короткое заключение.

В результате реформ, или, я бы сказал точнее, мер ортодоксальной стабилизации, которые выдавались за реформы, мы действительно решили ряд проблем. Например, ликвидировали вынужденные сбережения, неудовлетворенный спрос. Но дело в том, что, к сожалению, не удалось найти ответ на тот главный, ключевой вопрос, который стоял перед нашей экономикой еще в 80-х годах. Этот вопрос прежде всего связан со структурным кризисом, с исчерпанием потенциала развития нашей индустриальной системы. Адекватный ответ на него предполагает в первую очередь перестраивание ее материальной базы, ресурсной и технологической структур. В результате ортодоксальной стабилизации был сначала порожден ряд новых проблем, типа сжатия спроса, а потом запущены процессы адаптации экономики к этим проблемам, которые мы сами же создали. А ключевые, глобальные проблемы, связанные со структурным кризисом, остались как бы в стороне. Но они никуда не делись. И сейчас они снова "всплыли". Можно сказать, что на следующий год именно эти проблемы будут во многом определять динамику всех параметров воспроизводства. И именно контур таких угроз, как нехватка энергии, деградация производственной базы, упадок производственного аппарата и другие, будет задавать критерии для будущей стратегии реформ.